

# «Никогда немцам не одолеть Россию»

*В год 75-летия Великой Победы мы продолжаем рассказывать о преподавателях и сотрудниках вуза, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны и трудившихся в тылу*

## ГОД ПАМЯТИ И СЛАВЫ

**Нина Владимировна Шиголева** родилась 24 февраля 1926 года в Москве. Война настигла ее совсем девчонкой, когда она училась в девятом классе. Школу закрыли, и юная Нина отправилась поступать в машиностроительный техникум Наркомата минометного вооружения, находившийся в третьем учебном корпусе, где сейчас музей Политехнического института. Во дворе, где она жила, располагался старинный особняк, планетарий. Нина проучилась 3 семестра, после чего узнала о подготовительных курсах в МАИ.

В 1948 году она окончила факультет приборостроения и оборудования и получила направление на работу на авиазавод имени С. В. Ильюшина. Когда ее супруг (будущий профессор Пензенского политехнического института В. М. Шляндин) получил направление в Пензу, она последовала за ним, хотя с завода ее отпустили с трудом.

В годы войны в подвале недостроенного дома находилось газобомбоубежище, где во время частых бомбежек ночевали жильцы. У Нины был значок «готов к санобороне», поэтому ее взяли в санзвено. Девушка получала медикаменты, прибирала санкомнату в убежище, а по ночам ухаживала за пожилыми и детьми. Ее мама была призвана на трудовой фронт и работала на телеграфе корректором направления иностранной связи. В дополнение к французскому языку, который она учила в гимназии и на курсах, освоила польский и чешский. Мама очень уставала: сказывались напряженная работа и плохое питание. Часть пайка она отдавала дочери: у Нины начиналась цинга, нужно было масло. Зимой дом не отапливался: не было дров, запас воды под маминной кроватью покрывался льдом. Нина будила маму и провожала ее на работу. Путь им предстоял неблизкий. Но вот мама на службе и поднимается на фуникулере, улыбаясь дочке. Мама довольна: не опоздала. За опоздание больше, чем на 20 минут, по закону военного времени — судебное разбирательство. А этого допускать никак было нельзя: вся семья держалась на матери. В августе 1943-го отец погиб на фронте в Орловской области. На фронт он ушел добровольцем и служил в регулярной армии в звании старшего лейтенанта административной (интендантской) службы, трудился переводчиком.

В каникулы (во время учебы в техникуме) Нина работала токарем и сверловщиком на заводе им. Г. М. Маленкова по 6 часов: для полного рабочего дня она была слишком молода. Нина Владимировна награждена медалями «За оборону Москвы», «Ветеран труда», юбилейными наградами,

имеет удостоверение участника Великой Отечественной войны.

Долгое время Нина Владимировна работала в Пензенском политехническом институте старшим преподавателей на кафедре «Электромеханические приборы».



**Владимир Иванович Дубовик** родился в селе под Винницей в 1927 году. Рос смелым, сообразительным мальчиком. Буквально за несколько дней до вторжения фашистов он увидел в овраге близ с. Кустовица подозрительного человека, который наносил на карту какие-то значки. Володя побежал в село и рассказал все председателю колхоза. Мужчину схватили. Это оказался диверсант. В 1941 году фашисты захватили Винницу. Там находилась ставка Гитлера, поэтому положение ее жителей было особенно тяжелым. В 1943 году в село пришли эсэсовцы и вместе с предателями полициями стали угонять людей в Германию. Схватили и Володю. В колонне рядом с ним шла какая-то женщина. Она шепнула: «Будем идти мимо той хаты — беги!» Он послушал ее совета, и ему удалось спрятаться в сене в коровьем стойле. Жизнь подростку спасла кошка. Она рванулась на чердак хаты. Фашисты решили, что беглец там, и начали стрелять. Так мальчишке удалось выжить. Чтобы укрыться от эсэсовцев, Владимир переоделся в женское платье, но однажды его разоблачили.

В годы войны он не раз помогал партизанам, передавая нужные сведения. В 1944 году зима была особенно морозной. Но весна принесла большую радость: наша армия вышла на госграницу СССР! Мужчин в селе почти не осталось, и 17-летнего Володю Дубовика выбрали председателем колхоза. Хозяином он стал рачительным. Единственную в колхозе лошаденку берег, кормил, не давал кому попало. Пришлось Владимиру Ивановичу повстречаться и с бендеровцами, которые однажды стреляли в него, когда он шел по мосту. Позднее его призывали в армию, с ней его жизнь была затем была связана многие годы. Он в составе 26-го зенитного полка охранял небо Москвы. Впо-

следствии Владимир Иванович работал в ПГУ учебным мастером на кафедре АиУС, пользуясь большим уважением сотрудников.

**Ефросинья Якимовна Федорова**, долгое время работавшая в Педагогическом институте им. В. Г. Белинского доцентом кафедры физической географии, так вспоминала Великую Отечественную войну. Ее воспоминания вошли в книгу «Во имя Победы: Воспоминания, статьи и очерки», изданную в вузе в 2010 году.

— Я родилась в г. Даугавпилсе Латвийской ССР. После окончания 6 классов в 1940 г. приехала учиться в русскую школу. 22 июня 1941 г. был теплый солнечный день и соответствующее настроение: окончен успешно 7-й класс, прошел выпускной вечер. Сегодня я отправляюсь на любимом велосипеде на хутор к родителям, где, работая в хозяйстве, проведу все летние каникулы. Дорога предстоит нелегкая, до дома 60 км, а я еще должна повидать подругу. Мы пока ничего не подозреваем об уже начавшейся трагедии, так как никаких средств связи у нас нет. Но вот я выезжаю на главную улицу, Красноармейскую. Здесь первый сюрприз. Раздается страшный, какой-то оглушительный треск, от которого становится не по себе. Пока ничего не видно, ко мне бежит постовой милиционер и срочно направляет меня в ближайшую подворотню. Там уже толпа народа. Здесь я узнаю, что нас бомбят, что Киев уже бомбили рано утром и что началась война. Вот с такой страшной новостью я и добиралась домой.

Начались тревожные, полные неизвестности, ожидания и надежд дни. Но никто не думал (особенно русское население), что немцы пожалуют к нам в самое ближайшее время. Хотелось надеяться, что их остановят еще где-нибудь у границы. Но факты не заставили себя ждать. Вдруг мы увидели, что на проселочной дороге появились небольшие группы солдат. К ближайшей из них я побежала узнавать истину. На глупейший вопрос «Это отступление?» лейтенант улыбнулся и сказал: «Нет, нет, не беспокойтесь». Сомнений больше не было: немцы близко, наступают. Где же Красная Армия? То, что мы видели, всего лишь небольшие ее остатки, уходившие подальше от большака.

Мужчины между тем строили блиндаж на три семьи в низине у речки, не исключая, что придется переждать там возможные боевые действия. Но не успели они до конца укрепить потолок, как сосед просигналил, что группа солдат, расположившись на отдых близ большака, сняла часового и поспешно уходит с места. Быстро хватаем самое необходимое,

уводим скот в ольшаник у речки и бежим в блиндаж. Не прошло и часа, как другой сосед сообщил, что наш большак уже занят сильно грохочущей немецкой техникой. Никаких баз в нашей местности, к счастью, не было. Немцы мчались вперед без остановок. Несколько дней мы их даже близко не видели. Наши солдатики, конечно, далеко уйти не успели. Изредка пролетали самолеты, наверное, разведчики. Вслед за передовыми частями двигался обоз. Тогда и произошло первое знакомство с немцами, так как они рыскали по хуторам, требуя масло, сало, яйца. Но от больших поборов нашу семью выручал мой лепет отдельных немецких слов. Даже такие попытки сказать несколько слов на немецком языке внушали солдатам определенное уважение. Надо отметить, что немцы вели себя в Латвии культурнее, чем в России.

Начался новый этап повседневной жизни. Вся власть была в руках чиновников из латышской части населения. Этот этап был наиболее кровавым для нашей местности. Одним из первых актов этой власти были арест и расстрел евреев — основных тогдашних торговцев. Сюда же привезли для расстрела из Даугавпилса детей из приюта и душевнобольных. Было даже организовано новое кладбище. В дальнейшем уже проводилась индивидуальная «работа» в отношении советских активистов. В нашей деревне нашелся свой старшина-полицейский, участвовавший во всех кровавых расправах. Он лютовал, как мог. Следил за односельчанами и случайными прохожими, казавшимися ему подозрительными.

Осенью 1941 г. нам объявили, что в воскресенье привезут военнопленных, которых будут раздавать крестьянам в качестве бесплатной рабочей силы. Нашей семье рабочая сила не требовалась, но отец пошел из любопытства. Часа через два мы увидели отца и ковыляющего рядом с ним молоденького солдата-военнопленного. Оказалось, что, увидев папу и узнав в нем русского, парень взмолился: «Дяденька, возьмите меня; я — ленинградец, ничего по хозяйству делать не умею и боюсь попасть к латышам». К тому же у него была травма ноги. Так в нашем доме появился Сашка. Он оказался хорошим помощником маме по дому: носил воду, кормил коров, топил печь. Мы его полюбили, но он вызвал подозрение у нашего полицейского. Мать заступилась за парня. Он прожил у нас полгода, и затем его, выздоровевшего и окрепшего, забрали немцы.

Первый год войны я жила дома, так как русские школы не работали, а в латышские школы русских не принимали. Это была

установка нового немецкого порядка. Учебу я продолжила во второй год войны, когда жила у родственников. Дом война пощадила, но мой дядя был арестован за связь с подпольем, побывал в лагере Саласпилсе и других лагерях на территории Польши и Германии. Вернулся он только после войны, но прожил всего лишь несколько лет.

Летние месяцы 1942 и 1943 гг. были для меня гораздо опаснее зимнего периода. Именно летом шла охота на молодежь для отправки на работу в Германию. Опасным было любое место, где собирались молодые люди. Для хозяйства нашего размера считалось достаточным два работоспособных человека, то есть мои родители. А я оказывалась лишней, и меня могли забрать в любое время. Для безопасности я с минимумом одежды и подготовленными сухарями была вынуждена переселиться к одинокой двоюродной бабушке в соседнюю деревню. Дело усугублялось тем, что опасности подвергались дома и деревни русских и белорусов. Латышей власти оберегали.

В период оккупации Латвии наша семья и большинство знакомых мне русских с тревогой следили за событиями на фронтах. Получить достоверные сведения было практически невозможно. Средств связи у нас не было, немцам передачам верить не хотелось, но сведения как-то просачивались, передавались из уст в уста. Самым знающим источником был мой дядя Прохор. При любой новости с фронта он прибегал к нам домой, и просил показать карту-вкладыш из учебника географии СССР и говорил, глядя на нее: «Нет, никогда немцам не одолеть Россию». Ни минуты мы не верили, что Москва взята.

В 1944 г. участились бомбардировки Даугавпилса. Учиться стало опасно, и я опять оказалась в деревне. Один из знакомых парней, которого немцы забрали в армию, сбежал появился дома. А с ним были радист и руководитель партизанской группы. Развернулась работа по организации подполья. Ребята действовали активно, но недостаточно осторожно, что привело к разгрому организации. Радист Толя спасся, а подруг, Катю с сестрой, угнали в Германию.

Через некоторое время после разгрома организации мы уже приветствовали наши войска. К нам приехала комиссия по мобилизации в Красную Армию. Военком и ст. лейтенант НКВД провели со мной беседу и убедили меня ехать с ними для работы в военкомате. Так я оказалась в военкомате, где и работала секретарем-машинисткой до конца войны.

**Елена РЯБЕНКО,  
Кристина ЗЛЫДНЕВА,  
Наталья ТОЛКАЧЕВА**